
ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК [327(560)+327(533)]"2005/2020"

DOI: 10.25730/VSU.2070.23.008

Эволюция турецко-йеменских отношений 2005–2020 гг.

Парланова Айла Тельман кызы

аспирант факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: parlanova@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу этапов развития двусторонних турецко-йеменских отношений. Актуальность исследования определяется тем, что именно с 2017 г. в стратегиях внешней политики Турецкой Республики наблюдается повышенное внимание к Йемену. В связи с этим предмет исследования – внешнеполитическая стратегия Турецкой Республики, объект – турецко-йеменские отношения 2005–2017 гг. Цель – проследить эволюцию двусторонних отношений, выявить этапы их развития и характерные черты для каждого периода. В работе использовались методы: анализ официальных документов (стратегий внешней политики Турции), системный и хронологический подход и историко-сравнительный метод.

В результате проведенного исследования было выявлено: 1) в 2005–2011 гг. Йемен во внешнеполитической стратегии Турции рассматривался как часть региональной системы безопасности, а также государство арабского мира, способное оказать содействие в международной «изоляции» Израиля; 2) в период «арабской весны» Турция не оказала активную помощь «Братьям-мусульманам» (организации, запрещенной в РФ) в Йемене. Тем не менее Анкара официально заявила о поддержке международной военной операции «Буря решимости» в 2015 г.; 3) попытки «прозондировать почву» в Йемене в 2017–2019 гг. определяются стремлением турецкой стороны контролировать Баб-эль-Мандебский пролив. Именно в этот период Анкара предприняла конкретные действия в данном направлении (строительство базы в Сомали, соглашение об аренде о. Суакин в Судане); 4) с 2020 г. наблюдается спад интереса к «йеменскому вектору» в связи со смещением фокуса внешней политики в Средиземноморский регион.

На основе полученных результатов можно сделать следующий вывод: двусторонние отношения с Йеменом отодвигаются на второй план при изменении внутривосточной обстановки в Турции и геополитической ситуации в Средиземноморском регионе.

Данный вывод можно учитывать при прогнозировании последующих внешнеполитических действий Анкары, выявлении геополитического кода страны, а также определении приоритетных направлений внешней политики на ближайшие пять лет.

Ключевые слова: Турция, Йемен, геополитика, Африканский Рог, Баб-эль-Бандебский пролив.

Введение. В связи с активизацией гуманитарной политики Турции в Йемене с 2017 г. в научной среде наблюдается повышение интереса к данной теме, однако при изучении вопроса не уделяется должного внимания анализу предыстории двусторонних отношений и развитию событий после 2017 г.

При исследовании преемственности политики Турции в Йемене использовались труды турецких и российских исследователей. М. Niyazi [26] и Rüştü Paşa [27] – авторы исторических романов о жизни османов в Йемене. S. Eray и S. Bayram [24], E. Ertosun [25], С. Н. Утургаури и Н. Ю. Ульченко [11] исследуют внешнеполитическую стратегию Т. Озала на Ближнем Востоке.

Внешняя политика современной Турции – объект исследования в работах М. М. Агазаде [1], П. А. Гудева [3], И. И. Ивановой [4] и А. В. Сулейманова [10].

Ближневосточный вектор изучают турецкие исследователи Т. Агі и F. Pirinççi [13], а также европейские – F. Donelli, A. G. Levaggi [23].

Непосредственно турецко-йеменским отношениям уделяют отдельное внимание V. Ayhan [14], О. А. Капошин [5], И. А. Свистунова [9], Л. Цуканова [12].

Стратегии внешней политики Турецкой Республики 2016–2020 гг., а также отчеты ТИКА (Турецкого агентства по сотрудничеству и координации) позволяют проследить изменения в официальной риторике правительства Турции в вопросе разрешения йеменского конфликта.

Преимственность политики. С начала XVI в. и до окончания Первой мировой войны территория Северного Йемена находилась в составе Османской империи. В 1918 г. имам зейдитской ветви шиитского ислама Яхья бен Мухаммед провозгласил независимость Йемена и объявил себя королем Йеменского Мутаваккилийского королевства [26, р. 118]. Несмотря на общее историческое прошлое, в двусторонних отношениях была зафиксирована длительная стагнация, вплоть до 1980-х гг.

В 1986 г. премьер-министр Турции Тургут Озал совершил официальный визит в Йемен, а в 1988 г. было открыто посольство Турецкой Республики в Сана. Дальнейшего прорыва в отношениях не наблюдалось. Возникает вопрос: что послужило триггером активизации отношений и по какой причине не были предприняты последующие шаги?

Особое внимание к Йемену, возможно, объясняется попыткой Т. Озала восстановить авторитет Анкары, который был подорван в арабском мире после Ливанской войны 1982 г. С самого начала конфликта Турция осудила действия Израиля и потребовала прекратить агрессию против Ливана. Как известно, Израиль является основным союзником США на Ближнем Востоке, в то время как Турция – член НАТО. Рисковать отношениями с Вашингтоном Анкара не могла в связи с глубоким внутривосточным и экономическим кризисом. В результате турецкая авиабаза Инджирлик была использована США для переброски военных подразделений в Ливан. Несмотря на то что операция оказалась непродолжительной, не удалось избежать критики со стороны арабских государств [4, с. 110–115]. Следовательно, открытие турецкого посольства в Йемене – дипломатический ход для восстановления репутации Анкары.

Кроме того, российские [4; 11], турецкие [24; 25] и американские [23] исследователи сходятся во мнении о прагматичности внешней политики Т. Озала. В 1984 г. (за два года до визита в Йемен) в сопровождении турецких бизнесменов Т. Озал посетил Иран, Ирак, Пакистан, Ливию и Алжир [11, с. 53]. Однако Йемен с внутривосточной турбулентностью оказался непривлекательным для турецких деловых кругов. К тому же внимание Анкары было перенаправлено на другие политические процессы в регионе (иракское вторжение в Кувейт в 1990 г.) и переговоры о вступлении Турции в ЕС.

Таким образом, Сана – составная часть прагматичной ближневосточной стратегии Т. Озала и политики поиска новых торговых партнеров. Прорыва в отношениях не наблюдалось в связи с экономической нерентабельностью и смещением вектора внимания на Европейский регион.

2005–2011 гг. Начало нового этапа в турецко-йеменских отношениях ознаменовал приход к власти Партии справедливости и развития (ПСР). В июле 2005 г. занимавший в это время пост министра иностранных дел Турции Абдулла Гюль посетил Йемен в рамках заседания Организации исламского сотрудничества (ОИС). Впоследствии премьер-министр Йемена А. К. Баджамаль совершил рабочую поездку в Анкару, в октябре 2005 г. премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган нанес ответный визит в Йемен. Таким образом, 2005 г. стал отправной точкой в развитии двусторонних отношений.

В 2008 г. состоялась очередная встреча на высшем уровне: президент Йемена Али Абдалла Салех встретился с Абдуллах Гюлем в Анкаре. В ходе беседы обсуждались вопросы региональной безопасности и совместной борьбы с терроризмом, состоялся обмен мнениями о ситуации в Палестине и Ираке. В состав делегации президента также входили бизнесмены Йемена, был затронут вопрос совместных инвестиций. На пресс-конференции Али Абдалла Салех высоко оценил итоги встречи, а также отметил важную роль Турции в разрешении ливанского кризиса [14, р. 19]. В этот период Анкара принимала активное участие в урегулировании ливано-израильского вооруженного конфликта (2006 г.)¹. Турция оказала гуманитарную помощь правительству Ливана в размере \$ 20 млн, было выделено \$ 30 млн для работы

¹ Ливано-израильский вооруженный конфликт 2006 г. (Вторая Ливанская война) – арабо-израильская война между Израилем и радикальной группировкой «Хезболла», фактически контролировавшей южные районы Ливана. Конфликт был спровоцирован ракетным обстрелом северных районов Израиля организацией «Хезболла». После трех месяцев боевых действий резолюцией СБ ООН было объявлено прекращение огня, юг Ливана перешел под контроль подразделений правительственной ливанской армии и миротворцев ООН.

Стокгольмской и Парижской конференций по восстановлению государственности Ливана. Турция выполняла роль медиатора в переговорах между противоборствующими сторонами во время внутривосточного кризиса в Ливане (2008–2009 гг.) [13]. Именно с данными инициативами было связано высказывание Али Абдаллы Салеха о политике Анкары в Ливане. Как известно, отношения Йемена и Израиля всегда отличались напряженностью, поэтому вопрос «усмирения» Тель-Авива являлся устойчивым ориентиром в турецко-йеменском сотрудничестве.

В 2009 г., в ходе очередного вооруженного противостояния между правительственными и шиитскими силами в Йемене, МИД Турции опубликовало заявление, в котором выражалась обеспокоенность в связи со сложившейся в стране ситуацией, отмечалось, что Анкара выступает за «сохранение территориального и национального единства братского Йемена», а национальная безопасность Йемена является неотъемлемой частью региональной безопасности Ближнего Востока [15, р. 42].

После инцидента с нападением израильтян на турецкое судно «Мави Мармара» (май 2010 г.), направлявшееся с гуманитарным грузом в сектор Газа², новой задачей внешней политики Анкары стало международное осуждение действий Израиля [10]. В январе 2011 г., уже будучи президентом Турции, А. Гюль совершил повторный визит в Йемен. По официальным данным, на встрече не поднимался «палестинский вопрос», стороны договорились о наращивании военного сотрудничества, упрощении визового режима, развитии сотрудничества в сфере образования [9]. В Санае был открыт мемориал турецким солдатам, погибшим в Йемене в годы Первой мировой войны [32].

Таким образом, спектр обсуждаемых президентами вопросов на встрече в 2008 и 2011 гг., а также позиция Анкары по мирному разрешению региональных вооруженных и политических конфликтов позволяют сделать вывод о том, что двусторонние отношения с Йеменом в этот период рассматривались прежде всего сквозь призму региональной системы безопасности. Кроме того, после инцидента с судном «Мави Мармара» Йемен также стал составной частью «проекта» международной изоляции Израиля.

«Арабская весна». Международная военная операция. В ходе «арабской весны» на Ближнем Востоке Анкара сделала ставку на «Братьев мусульман» (организация, запрещенная в РФ). Представители данной организации демонстрировали наибольшую лояльность Анкаре. В результате «арабской весны» президент А. Салех потерял власть, в феврале 2012 г. новым президентом был избран А. Р. Мансур Хади, который имел связи с «Аль-Ислах», что стало поводом для более пристального рассмотрения «йеменского вектора», так как в Йемене с 1990-х гг. члены «Братьев мусульман» представлены в партии «Аль-Ислах» [6, с. 68].

20–21 октября 2012 г. в Йемен совершил визит министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу. В стратегии внешней политики Турции на 2013 г. в очередной раз зафиксирована гуманитарная катастрофа в Йемене, в стране, «которая, помимо своего экономического потенциала, обладает стратегической значимостью, т. к. находится на стыке Красного моря и Индийского океана, Азии и Африки» [16, р. 64].

В 2014 г. хуситы³ захватили Сану. 25 марта 2015 г. по просьбе президента М. Хади Саудовская Аравия объявила о начале международной военной операции «Буря решимости». Цель операции – свержение военизированной группировки хуситов «Ансар Аллах». В основе идеологии хуситов лежит идея возрождения норм зейдитского (шиитского) ислама. Как было отмечено выше, именно зейдитские племена поднимали восстания против Османской империи. Что касается современной Турции, то в качестве инструмента «мягкой силы» активно

² В мае 2010 г. на турецкое судно «Мави Мармара», направлявшееся с гуманитарным грузом в сектор Газа в составе международного конвоя «Флотилия Свободы», было совершено нападение израильского спецназа. В результате нападения были убитые и раненые пассажиры, граждане Турции. Президент Турции Р. Т. Эрдоган требовал извинений и компенсаций от Израиля. Интенсивное дипломатическое давление дало свои плоды: в 2013 г. премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху принес свои извинения во время телефонного разговора с Р. Т. Эрдоганом.

³ Хуситы – военизированная группировка шиитов-зейдитов, действующая на территории Йемена. Предполагается, что хуситы пользуются скрытой военной и финансовой поддержкой Ирана. В 2004 г. самопровозглашенный имам Хусейн аль-Хуси поднял антиправительственный мятеж, обвинив власти Йемена в дискриминации зейдитского населения. В результате хуситы захватили часть южных районов Йемена. В 2011 г., после начала в стране протестов против режима президента Али Абдаллаха Салеха, хуситы расширили своё влияние на севере страны.

применяется ислам. В результате Анкара поддержала военную операцию Саудовской Аравии и выразила готовность оказать логистическую поддержку [4]. В стратегии внешней политики Турции на 2016 г. также открыто поддерживается легитимная власть М. Хади [17, р. 71].

16–18 февраля 2016 г. М. Хади совершил визит в Турцию по приглашению Р. Т. Эрдогана. 24 февраля из Турции в порт Аден было доставлено 6000 тонн гуманитарной помощи общей стоимостью \$ 7,5 млн [17, р. 72]. Тем не менее Турция не принимала активного участия в боевых действиях и не входила в международную коалицию, возглавляемую Эр-Риядом, так как Анкара считает Саудовскую Аравию своим основным конкурентом в борьбе за «сердца и умы» мусульман всего мира.

С 2011 г. наблюдается активизация Турции в регионе Африканского Рога, в частности в Сомали. Благодаря оказанной гуманитарной помощи в Сомали было сформировано наиболее лояльное для Анкары правительство и население в Африке. Как отмечает чрезвычайный и полномочный посол Йеменской Республики, в Йемене проживает около 700 тыс. выходцев из Сомали и других африканских государств [2]. Следовательно, политика Анкары по восстановлению государственности Йемена являлась продолжением стратегии в Могадишо, где в 2017 г. была открыта первая зарубежная турецкая военная база, цель которой – контролировать стратегически важный Баб-эль-Мандебский пролив, через который транспортируется ближневосточная нефть.

В 2015 г. Р. Т. Эрдоган призвал Иран прекратить поддержку шиитских повстанцев-хуситов в Йемене [8]. Целью Анкары было ослабить позиции Тегерана в акватории Красного моря. Недовольство Турции было связано с политикой Ирана в регионе Африканского Рога: Тегеран, содействуя нелегальным поставкам древесного угля из Сомали, способствовал усилению террористической группировки «Аш-Шабаб». О недружественной политике сомалийских властей по отношению к Ирану свидетельствует то, что в 2016 г. Сомали разрывает отношения с Тегераном, назвав официальной причиной вмешательство Ирана в свои внутренние дела [7]. Следовательно, политика Турции в Йемене также формируется под воздействием двусторонних отношений с Ираном.

В стратегиях внешней политики на 2013 и 2016 гг. при рассмотрении турецко-йеменских отношений отдельное внимание акцентируется на политике Анкары в Персидском заливе и сотрудничестве в рамках ССАГПЗ.

Таким образом, в связи с конкуренцией со стороны Саудовской Аравии и Ирана во время «арабской весны» Анкара не принимает активного участия в йеменском конфликте и не оказывает широкомасштабную поддержку местным «Братьям-мусульманам», как это наблюдалось, например, в Сирии и Ливии. Йемен в этот период рассматривается только сквозь геополитическую призму как государство, контролирующее основной путь поставок нефти из Персидского залива в Европу.

2017–2020 гг. С 2017 г. внешнеполитическая стратегия в Йемене переходит на новый уровень. В 2017 г. Турция предоставила гуманитарную помощь более 550 тыс. человек в Йемене. С этого же года 53 тыс. пациентов в городах Аден и Таиз получили медицинскую помощь [33]. В сентябре 2017 г. в деревню Бейит Аль-Турки (мухафаза Эль-Махвит), населенную йеменцами турецкого происхождения, была доставлена продовольственная помощь [18]. Таким образом, в Йемене наблюдается продолжение политики пантюркизма и применения гуманитарной помощи в качестве инструмента «мягкой силы» для закрепления в регионе. Напомним, что проект по оказанию гуманитарной помощи Сомали в 2011 г. перерос в полномасштабную внешнеполитическую стратегию и строительство первой зарубежной военной базы Турции.

Во времена Османской империи для поставки продовольствия и переброски войск использовались порт Ходейда и дороги Ходейда-Сана, Ходейда-Таиз. В г. Массауа (Эритрея) и на о. Суакин (Судан) размещались османские вооруженные силы [27, р. 39–42]. В результате Красное море превращалось во внутреннее озеро Османской империи. На сегодняшний день Турция заявляет о своей приверженности осуществлению положений Стокгольмского соглашения⁴, в соответствии с которым порт Ходейда должен перейти под контроль ООН [20, р. 82], что также укладывается в неоосманскую концепцию Анкары.

В 2017 г. Анкара открыла военную базу в Сомали и получила право арендовать о. Суакин, что фактически также означало строительство военной базы. С 2019 г. в СМИ появились данные о том, что ОАЭ демонтируют элементы военной базы «Асэб» в Эритрее, следователь-

⁴ В декабре 2018 г. представители правительства Йемена и повстанцев-хуситов подписали соглашение о прекращении огня и отводе войск в провинции Ходейда, известное как Стокгольмское соглашение.

но, в ближайшее время возможны переговоры об использовании порта Асэб турецкими военными. Аналогичные цели преследуются в Джибути. Передача порта Ходейда под протекторат ООН означает вывод повстанцев-хуситов из данного региона, что может способствовать беспрепятственному проникновению Анкары в Йемен. Таким образом, в Йемене в очередной раз проявляются черты неосманизма, когда на противоположных берегах Красного моря могут находиться турецкие вооруженные формирования.

В этот период идеология панисламизма также находит свое применение в Йемене. Большая часть гуманитарной помощи поставлялась неправительственной организации *Insani Yardim Vakfi* (ИНН), которая, по мнению некоторых экспертов, поддерживает контакты с «Братьями-мусульманами», следовательно, с партией «Ислах» в Йемене. Возможно, поводом к углублению контактов с «Ислах» стал Катарский дипломатический кризис. Активизацией политики в Йемене Анкара и Доха заявляли, что не готовы принимать матрицу, которую предлагают Саудовская Аравия и ОАЭ, и начинают вести свою геополитическую игру в Йемене.

Ситуацию усугубило убийство журналиста Джамала Хашоги. В октябре 2018 г. наблюдалась резкая смена риторики в адрес Эр-Рияда. Тем не менее в стратегии внешней политики Турции на 2019 г. осуждаются ракетные удары хуситов по Саудовской Аравии с территории Йемена [19, р. 90].

В апреле 2019 г. пал режим президента Судана Омар аль-Башира, с которым Турция заключила соглашение об аренде о. Суакин. Военный переворот был financирован Саудовской Аравией и ОАЭ, что подтверждается тем, что Абдель Фаттах аль-Бурхан, который де-факто возглавляет Судан, участвовал в операциях в Йемене в составе коалиции, возглавляемой Саудовской Аравией.

В октябре 2019 г. сирийская операция Турции «Источник мира», направленная против запрещенной в Турции Рабочей партии Курдистан (РПК), вызвала резко негативную реакцию Эр-Рияда. В ответ министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу обвинил Саудовскую Аравию в разрушении Йемена [22].

Очевидно, что в сложившейся ситуации не могла идти речь о координации действий Анкары и Эр-Рияда в Йемене. Именно с 2019 г. появляются данные в СМИ о проникновении разведывательной службы Турции МИТ в провинции Шабва и Мариб под прикрытием турецких НПО, прежде всего, подразумевается организация ИНН и турецкая частная военная кампания SADAT [5; 12]. Примечательно также, что в Йемене не наблюдается активная деятельность Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТИКА), по линии которого предоставляется государственная гуманитарная помощь Турции странам Африки, что подтверждается официальными отчетами Агентства [29–31]. Существует несколько причин отсутствия открытого государственного вмешательства в Йеменский конфликт.

Во-первых, население Турции уже устало от помощи «братским народам», когда сама страна с 2015 г. находится в глубоком экономическом кризисе. Оправдать военное вмешательство далеко за периметром национальных границ становится все сложнее.

Во-вторых, фактически Йемен уже поделен на сферы влияния и активные действия новых внешних акторов будут незамедлительно пресечены. В сложившейся ситуации Анкара пыталась для начала прозондировать почву на предмет возможных способов проникновения в Йемен.

В-третьих, с 2019 г. внешнеполитическая стратегия Анкары определяется доктриной «Голубая Родина» (*Mavi Vatan*)⁵, в соответствии с которой приоритетным направлением внешней политики определяется Средиземноморский регион [3]. Несмотря на то, что, по мнению некоторых исследователей, регион Африканского Рога и акватория Красного моря, следовательно и Йемен, входят в состав Большого Средиземноморья [1], данному направлению отводится второстепенное значение. В январе 2020 г. была осуществлена военная операция Турции в Ливии, что вызвало резко негативную реакцию ряда государств. Активизация в Йемене в данной ситуации еще больше накалила бы обстановку. В связи с этим в стратегии

⁵ Идея «Голубой родины» была обозначена адмиралом Джемом Гюрденизом в 2006 г. и была доработана до уровня государственной доктрины адмиралом Джихатом Яйджи. В 2013 г. доктрина была принята правительством Турции в качестве официальной политики. Конечный смысл доктрины заключается в расширении водных владений Турции в Средиземном, Черном и Эгейском морях путем заключения международных договоров и удовлетворения своих претензий на международном уровне. Доктрина была принята, прежде всего, для оправдания притязаний Турции в Восточном Средиземноморье, разграничения континентального шельфа с Грецией.

внешней политики на 2020 г. подчеркивается приверженность Анкары принципам Эр-Риядского соглашения (5 ноября 2019 г.) [20, p. 82]. Договор касается раздела сфер влияния между правительством президента Хади, т. е. Саудовской Аравией, и Южным переходным советом, подконтрольным ОАЭ [28]. Следовательно, Турция занимает позицию невмешательства и принимает сложившийся расклад сил в Йемене.

В стратегии внешней политики на 2021 г., в отличие от предыдущих, Йемен уже упоминается лишь один раз, когда заявляется о поддержке Анкары действий ООН по разрешению конфликта в Йемене [21, p. 26].

Таким образом, если в 2017–2019 гг. Анкара не только декларирует свою политику, но и предпринимает конкретные действия для изменения расклада сил в Йемене и в регионе в целом, то с 2020 г. в связи с изменениями в ближневосточной конъюнктуре Турция вновь придерживается принципа невмешательства в Йемен.

Таким образом, Йемен, с которым Анкара имеет исторические связи со времен Османской империи, также привлекал внимание руководителей современной Турции. Если политика Т. Озала была сосредоточена на поиске новых партнеров на Ближнем Востоке, а Йемен, в свою очередь, представлялся потенциальной площадкой для экономической экспансии, то с приходом ПСР Сана рассматривается как константа региональной системы безопасности. В ходе «арабской весны» Турция занимает выжидательную позицию и не предпринимает активных действий для изменения расклада сил в Йемене. Интерес при этом представляет лишь географическое расположение страны, контроль над Баб-эль-Мандебским проливом. Наблюдающаяся в 2017 г. активизация в Йемене была связана с успешной политикой закрепления в регионе Африканского Рога (военная база в Сомали и соглашение об аренде о. Суакин в Судане). С 2020 г. был зафиксирован спад в двусторонних отношениях в связи со смещением внешнеполитического акцента в сторону Средиземноморского региона и изменениями в расстановке сил на Ближнем Востоке (турецкая военная операция в Сирии и Ливии, расторжение соглашения об аренде о. Суакин).

Список литературы

1. Агазаде М. М. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 429–440.
2. Аль-Хеляли М. С. Йеменская Республика на пути развития // Международная жизнь. 2010. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/305>.
3. Гудев П. А. Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 472–486.
4. Иванова И. И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв. М. : Воробьев А. В., 2019. 380 с.
5. Капошин О. А. Израильские эксперты о возможном участии Турции в гражданской войне в Йемене // Институт Ближнего Востока. 27.07.2020. URL: <http://www.iimes.ru/?p=71572>.
6. Мартынкин А. В. Зеленый интернационал: история экспансии «Братьев-мусульман». Севастополь : Филиал МГУ в г. Севастополе, 2021. 239 с.
7. МИД Сомали объявил о разрыве дипломатических отношений страны с Ираном // РИА Новости. 07.01.2016. URL: <http://ria.ru/world/20160107/1355973075.html>.
8. Президент Турции обвинил Иран в стремлении к господству в регионе // РИА Новости. 27.03.2015. URL: <https://ria.ru/20150327/1054771819.html>.
9. Свистунова И. А. Визит президента Турции А. Гюля в Йеменскую Республику // Институт Ближнего Востока. 13.01.2011. URL: <http://www.iimes.ru/?p=11948>.
10. Сулейманов А. В. Турецко-израильские отношения: история и современность // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 165–171.
11. Утургаури С. Н., Ульченко Н. Ю. Тургут Озал – премьер-министр и президент Турции. М. : Институт востоковедения РАН, 2009. 128 с.
12. Цуканова Л. Мотивы турецкой стратегии в Йемене // РСМД. 02.09.2020. URL: https://russian-council.ru/blogs/itsukanov/35234/?sphrase_id=91046719.
13. Ari T., Piringçi F. Turkey's New Foreign Policy Towards The Middle East And The Perceptions In Syria And Lebanon // Akademik Bakış. 2010. Cilt 4. № 7. 16 p.
14. Ayhan V. 2000 Sonrası Dönemde Türkiye-Yemen İlişkileri // Ortadoğu Analiz Aralık. 2010 – Cilt. 2. Sayı 24. Pp. 18–27.
15. Ayhan V. Civil War in Yemen: The Power Struggle, Regional Influences and Relations With Turkey // ORSAM. 2010. № 10. Pp. 29–45.
16. Çavuşoğlu M. 2013 Yılına Girerken Dış Politikamız // Т. С. Dışişleri Bakanlığı. 155 p.
17. Çavuşoğlu M. 2016 Yılı Başında Dış Politikamız // Т. С. Dışişleri Bakanlığı. 05.03.2016. 198 p.

18. Çavuşoğlu M. 2018 *Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 17.12.2017. 204 p.
19. Çavuşoğlu M. 2019 *Yılına Girerken Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sisteminde Girişimci ve İnsani Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 17.12.2018. 200 p.
20. Çavuşoğlu M. 2020 *Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 18.11.2019. 195 p.
21. Çavuşoğlu M. 2021 *Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 18.11.2019. 78 p.
22. Demirci Z. Dışişleri Bakanı Çavuşoğlu: Biz Barış Pınarı Harekatı'nı terör örgütüne karşı yaptık // Anadolu Ajansı. 30.10.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/baris-pinari-harekati/disisleri-bakani-cavusoglu-biz-baris-pinari-harekatini-teror-orgutune-karsi-yaptik/1631132>.
23. Donelli F., Levaggi A. G. Becoming Global Actor: The Turkish Agenda for the Global South // *Rising Powers Quarterly*. 2016. Vol. 1. № 2. Pp. 93–115.
24. Eray S., Bayram S. The Role Of Turgut Özal In Turkish Foreign And Economic Policy During 1983–1993 // *Social Sciences Studies Journal*. 2018. № 4 (28). Pp. 6620–6625.
25. Ertoşun E. Change and Leadership in Foreign Policy: The Case of Turgut Ozal's Premiership in Turkey, 1983–1989 // *Mediterranean Quarterly*. 2016. Vol. 27. № 2. Pp. 47–66.
26. Mehmed Niyazi Yemen ah Yemen. Istanbul : Ötüken, 2020. 391 p.
27. Rüştü Paşa Ah O Yemen'dir Yemen Hatırası. Istanbul : İz Yayıncılık, 2017. 143 p.
28. The Riyadh Agreement on Yemen: Arrangements and Chances of Success // Arab Center for Research and Policy Studies. 18.11.2019. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-riyadh-agreement-on-yemen-arrangements-and-chances-of-success/>.
29. TİKA Faaliyet Raporu 2017 // TİKA. 2017. 128 p.
30. TİKA Faaliyet Raporu 2018 // TİKA. 2017. 136 p.
31. TİKA Faaliyet Raporu 2019 // TİKA. 2019. 165 p.
32. Yemen // Abdullah Gul. URL: <http://www.abdullahgul.gen.tr/ziyaretler/yemen/ozel>.
33. Yemen yardım bekliyor // İHH. URL: <https://ihh.org.tr/bagis/yemen>.

Evolution of Turkish-Yemeni Relations 2005–2020

Parlanova Ajla Tel'man kyzy

postgraduate student of the Faculty of International Relations, St. Petersburg State University.
Russia, St. Petersburg. E-mail: parlanova@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the stages of development of bilateral Turkish-Yemeni relations. The relevance of the study is determined by the fact that since 2017, increased attention to Yemen has been observed in the foreign policy strategies of the Republic of Turkey. In this regard, the subject of the study is the foreign policy strategy of the Republic of Turkey, the object is Turkish–Yemeni relations 2005–2017. The goal is to trace the evolution of bilateral relations, to identify the stages of their development and characteristic features for each period. The following methods were used in the work: analysis of official documents (strategies of Turkey's foreign policy), a systematic and chronological approach, and a historical-comparative method.

As a result of the conducted research, it was revealed: 1) in 2005–2011. In Turkey's foreign policy strategy, Yemen was considered as part of the regional security system, as well as a state of the Arab world capable of assisting in the international "isolation" of Israel; 2) during the "Arab Spring", Turkey did not actively assist the Muslim Brotherhood (an organization banned in the Russian Federation) in Yemen. Nevertheless, Ankara officially declared its support for the international military operation "Storm of Determination" in 2015; 3) attempts to "probe the ground" in Yemen in 2017–2019. They are determined by the desire of the Turkish side to control the Bab-el-Mandeb Strait. It was during this period that Ankara took concrete actions in this direction (the construction of a base in Somalia, the agreement on the lease of Suakin Island in Sudan); 4) since 2020, there has been a decline in interest in the "Yemeni vector" due to the shift in the focus of foreign policy to the Mediterranean region.

Based on the results obtained, the following conclusion can be drawn: bilateral relations with Yemen are relegated to the background when the internal political situation in Turkey and the geopolitical situation in the Mediterranean region change.

This conclusion can be taken into account when predicting Ankara's subsequent foreign policy actions, identifying the country's geopolitical code, as well as determining the priorities of foreign policy for the next five years.

Keywords: Turkey, Yemen, geopolitics, Horn of Africa, Bab-el-Bandeb Strait.

References

1. Agazade M. M. *Bol'shoj Sredizemnomorskij regional'nyj kompleks bezopasnosti: mif ili real'nost'* [The Great Mediterranean Regional Security Complex: myth or reality?] // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* – Herald of Russian University of Peoples' Friendship. Series: International Relations. 2021. Vol. 21. No. 3. Pp. 429–440.

2. Al'-Helyali M. S. *Jemenskaya Respublika na puti razvitiya* [The Republic of Yemen on the path of development] // *Mezhdunarodnaya zhizn'* – International life. 2010. No. 9. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/305>.
3. Gudev P. A. *Osnovy tureckih prityazanij v Vostochnom Sredizemnomor'e* [Fundamentals of Turkish claims in the Eastern Mediterranean] // *Vestnik RUDN* – Herald of Russian University of Peoples' Friendship. Series: International Relations. 2021. Vol. 21. No. 3. Pp. 472–486.
4. Ivanova I. I. *Evolyciya blizhevostochnoj politiki Tureckoj Respubliki v XX–XXI vv.* [Evolution of the Middle East policy of the Republic of Turkey in the XX–XXI centuries]. M. Vorobyov A. V. 2019. 380 p.
5. Kaposhin O. A. *Izrail'skie eksperty o vozmozhnom uchastii Turcii v grazhdanskoj vojne v Jemene* [Israeli experts on Turkey's possible participation in the civil war in Yemen] // *Institut Blizhnego Vostoka* – Institute of the Middle East. 27.07.2020. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=71572>.
6. Martynkin A. V. *Zelenyj internacional: istoriya ekspansii "Brat'ev-musul'man"* [The Green International: the History of the Expansion of the Muslim Brotherhood]. Sevastopol. Moscow State University branch in Sevastopol. 2021. 239 p.
7. *MID Somali ob'yavil o razryve diplomaticheskikh otnoshenij strany s Iranom* – The Somali Foreign Ministry announced the severance of the country's diplomatic relations with Iran // *RIA Novosti* – RIA News. 07.01.2016. Available at: <http://ria.ru/world/20160107/1355973075.html>.
8. *Prezident Turcii obvinil Iran v stremlenii k gospodstvu v regione* – The Turkish President accused Iran of striving for domination in the region // *RIA Novosti* – RIA News. 27.03.2015. Available at: <https://ria.ru/20150327/1054771819.html>.
9. *Svistunova I. A. Vizit prezidenta Turcii A. Gyulya v Jemenskuyu Respubliku* [Visit of the President of Turkey A. Gul to the Republic of Yemen] // *Institut Blizhnego Vostoka* – Institute of the Middle East. 13.01.2011. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=11948>.
10. *Sulejmanov A. V. Turecko-izrail'skie otnosheniya: istoriya i sovremennost'* [Turkish-Israeli relations: history and modernity] // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* – Herald of Russian University of Peoples' Friendship. Series: International Relations. 2014. No. 3. Pp. 165–171.
11. *Uturgauro S. N., Ul'chenko N. Yu. Turgut Ozal – prem'er-ministr i prezident Turcii* [Turgut Ozal – Prime Minister and President of Turkey]. M. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2009. 128 p.
12. *Tsukanova L. Motivy tureckoj strategii v Jemene* [Motives of the Turkish strategy in Yemen] // *RSMD* – Russian Council for International Affairs. 02.09.2020. Available at: https://russiancouncil.ru/blogs/ltsukanov/35234/?sphrase_id=91046719.
13. *Arı T., Pirinççi F. Turkey's New Foreign Policy Towards The Middle East And The Perceptions In Syria And Lebanon* // *Akademik Bakış*. 2010. Cilt 4. No. 7. 16 p.
14. *Ayhan V. 2000 Sonrası Dönemde Türkiye-Yemen İlişkileri* // *Ortadoğu Analiz Aralık*. 2010 – Cilt. 2. Sayı 24. Pp. 18–27.
15. *Ayhan V. Civil War in Yemen: The Power Struggle, Regional Influences and Relations With Turkey* // *ORSAM*. 2010. No. 10. Pp. 29–45.
16. *Çavuşoğlu M. 2013 Yılına Giderken Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 155 p.
17. *Çavuşoğlu M. 2016 Yılı Başında Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 05.03.2016. 198 p.
18. *Çavuşoğlu M. 2018 Giderken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 17.12.2017. 204 p.
19. *Çavuşoğlu M. 2019 Yılına Giderken Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sisteminde Girişimci ve İnsani Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 17.12.2018. 200 p.
20. *Çavuşoğlu M. 2020 Giderken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 18.11.2019. 195 p.
21. *Çavuşoğlu M. 2021 Giderken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız* // T. C. Dışişleri Bakanlığı. 18.11.2019. 78 p.
22. *Demirci Z. Dışişleri Bakanı Çavuşoğlu: Biz Barış Pınarı Harekatı'nı terör örgütüne karşı yaptık* // *Anadolu Ajansı*. 30.10.2019. Available at: <https://www.aa.com.tr/tr/baris-pinari-harekatini-teror-orgutune-karsi-yaptik/1631132>.
23. *Donelli F., Levaggi A. G. Becoming Global Actor: The Turkish Agenda for the Global South* // *Rising Powers Quarterly*. 2016. Vol. 1. No. 2. Pp. 93–115.
24. *Eray S., Bayram S. The Role Of Turgut Özal In Turkish Foreign And Economic Policy During 1983–1993* // *Social Sciences Studies Journal*. 2018. No. 4 (28). Pp. 6620–6625.
25. *Ertosun E. Change and Leadership in Foreign Policy: The Case of Turgut Ozal's Premiership in Turkey, 1983–1989* // *Mediterranean Quarterly*. 2016. Vol. 27. No. 2. Pp. 47–66.
26. *Mehmed Niyazi Yemen ah Yemen*. Istanbul : Ötüken, 2020. 391 p.
27. *Rüştü Paşa Ah O Yemen'dir Yemen Hatırası*. Istanbul : İz Yayıncılık, 2017. 143 p.
28. *The Riyadh Agreement on Yemen: Arrangements and Chances of Success* // *Arab Center for Research and Policy Studies*. 18.11.2019. Available at: <https://arabcenterdc.org/resource/the-riyadh-agreement-on-yemen-arrangements-and-chances-of-success/>.
29. *TIKA Faaliyet Raporu 2017* // TİKA. 2017. 128 p.
30. *TIKA Faaliyet Raporu 2018* // TİKA. 2017. 136 p.
31. *TIKA Faaliyet Raporu 2019* // TİKA. 2019. 165 p.
32. *Yemen* // Abdullah Gul. Available at: <http://www.abdullahgul.gen.tr/ziyaretler/yemen/ozel>.
33. *Yemen yardım bekliyor* // İHH. Available at: <https://ihh.org.tr/bagis/yemen>.